

Слепой. Глобальный проект

Автор:

Андрей Воронин

Слепой. Глобальный проект

Андрей Николаевич Воронин

Слепой #41

Секретный агент ФСБ Глеб Сиверов выполняет два задания, одно за другим, и вначале даже не подозревает, что тех, кого он должен был оставить в живых во время операции в подмосковной гостинице, придется обезвредить во Франции, в Севре.

Международный терроризм приобрел грандиозный размах. Теперь цель террористов – общечеловеческие ценности. Помешать реализации глобального проекта должен агент по кличке Слепой.

Андрей Воронин

Слепой. Глобальный проект

© Составление. Оформление ООО «Харвест», 2007

Глава 1

Танюша позвонила уже за полночь и через час пришла, бледная, исхудавшая, с бутылкой виски в сумке. Оказалось – от нее ушел муж, бойкий симпатичный

Валерка, не богач, не силач, не секс-гигант. Сначала уехал в очередную командировку, потом там задержался на три дня, на неделю. На две... Танюша не волновалась – он и раньше задерживался на день-два. На ее вопросы о сроках командирования, указываемых обычно в докладной и приказе, отшучивался, что все претерпевает изменения в связи с производственной необходимостью, а уж какие-то даты в бумажках – и подавно. Всегда приезжал с подарками, окрашенными колоритом тех мест, где бывал. То павлово-посадский платок ей на плечи накидывал, то смоленский бальзам в кофе капал, то сервиз кисловодского фарфора в шкафу расставлял. А в этот раз собрал сумку, повинулся, даже слезу пустил – дескать, давно люблю другую, и она меня тоже, уж прости, не поминай лихом...

– Извини, Ира, что я к тебе вот так сразу, с бухты-баракты... Мне стыдно, так стыдно... Все подружки знали, что он кот, и на работе, и соседи... Одна я – дура старая, не понимала, не замечала. Сама за двадцать лет брака ни вправо, ни влево ни глянула, и про него не думала. Он ушел – а я еще две недели ждала, ночью дверь не запирала. Думала – это он пошутил неудачно, любовь нашу испытывает. Мы ведь для себя только жить начали – дочку в Чехию на учебу отправили, кредит за квартиру вернули, обои переклеили... И все, ты понимаешь, все знали... А сейчас – вот, повестка в суд... На развод подал. И на раздел имущества... Что я дочке скажу? Она звонит раз в два-три дня. Пока ей не признавалась, а теперь надо... Как объяснить?

Танюша хлебнула виски прямо из бутылки, опрокинула залпом чашку кофе и вдруг зашептала:

– Смотри, моих ошибок не повтори, сестренка! Твой-то тоже редко дома бывает – все по командировкам. А ты доверяй, да проверяй! Проверяй, а не то в сорок лет останешься... – Тут она замолчала и горько, по-детски, расплакалась.

Быстрицкая сварила еще кофе, молча разогрела суп, отбивные, нарезала салат. В полной тишине накрыла на стол, вынула широкие стаканы для виски и высокие для минералки. До утра они больше не обменялись ни словом, в шесть Танюша укуталась в плащ и ушла, а Ирина еще долго сидела на неприбранной кухне, дважды наливала себе крепкий алкоголь, разбавляла яблочным соком и, едва пригубив, выплескивала в умывальник.

В начале восьмого проснулась Аня. Так легко просыпаются утром те, кому незачем спешить.

В голове звенело, спать не хотелось... Телевизор что-то вещал о здоровом образе жизни, на другом канале молоденький диктор напряженно перечислял последствия террористического акта в Ираке, снова – музыка, реклама, погода. Дочь пристроилась рядом на угловом диванчике и с аппетитом уплетала отбивную.

– А где папа? Разве он не приехал? Ты одна, что ли, ночью суп и второе ела сразу из четырех тарелок?

Больно кольнуло где-то внутри, но Ирина промолчала.

– Это тетя Таня была, она ключ потеряла. Сейчас поехала слесаря вызывать, чтобы замок вскрыл.

– Какая тетя Таня? Которая с таким веселым дядей Валерой когда-то приходила? А он где, дом сторожит?

– Он в командировке, – устало соврала Ирина и прикрыла глаза.

– Понятно. Вообще-то жаль, что не папа. Я соскучилась сильно. А тут виски на столе... Я и подумала – вернулся!

– И не стыдно тебе! Когда это мы алкоголь на виду оставляли?

– Ну, не на виду, – Аня на ходу жевала мясо и одновременно обматывала шею шарфиком, – но я же знаю, что вы пьете, когда я сплю.

Ирина привычно поцеловала дочь и вышла к лифту проводить ее. Шагнув одной ногой в кабинку, Аня вдруг подняла наполнившиеся слезами глаза и строго, повзрослому отчеканила:

– Дядя Валера ни в какой ни в командировке. Он одну нашу училку каждый день из школы на машине забирает, и дочку ее тоже. А тетю Таню бросил – все знают...

Створки лифта закрылись, и последние слова прозвучали уже на фоне гула опускающейся кабины.

Все знают... Почему от этого еще тяжелей на душе? Зачем переносить эту печальную, но совершенно житейскую ситуацию на себя? И где, в конце концов, ее муж?

Глава 2

Глеб Сиверов бесшумно двигался по гостиничному коридору, застеленному приятным ковровым покрытием. Оно было достаточно мягким, чтобы гасить звук шагов, но при этом упругим, чтобы по нему легко катились колесики сумок и чемоданов, тележек с уборочным инвентарем и моющих пылесосов. Идти приходилось непринужденной раскованной походкой богатого постояльца и при этом быть готовым, что в любую минуту откроется какая-нибудь дверь и едва слышно хлопнет выстрел. В каждом рукаве у Глеба было по пистолету – он был готов к бою.

Полученное от Потапчука задание было настолько приблизительным в том, что касалось деталей и подробностей, что предельное нервное напряжение не покидало Сиверова несколько часов. Ясна была лишь окончательная цель: в группе курортников узнать человека, разыскиваемого контрразведкой некогда братской Венгерской республики и незаметно убрать его. Задание приходилось выполнять на условиях взаимозачета: венгерские коллеги обнаружили на своей территории матерого московского головореза, организовавшего несколько национальных конфликтов в местах проживания беженцев и нелегалов. На его совести были жизни узбекских, тувинских, киргизских студентов, вьетнамских и китайских торговцев. Мерзавец умудрился взять немалый кредит, снять и оборудовать подвал, устроив там настоящий расистский клуб. Валютные бонусы и пивные вечеринки привлекали местных тинейджеров, а таинственные ритуалы посвящения заставляли до поры до времени молчать об истинной сути «Берлоги». Как водится, через подставное лицо – чью-то слепо-глухую бабушку – был организован швейный цех и мастерская по изготовлению шевронов. Уже через полгода полунацистская форма и знаки отличия мистического толка продавались с небывалым успехом. Девушек в клуб не принимали – только парней. Поэтому желающие «поберложить» барышни активно участвовали и в

пошиве, и в складировании, и в реализации на абсолютно добровольных началах. Предприятие оказалось выгодным во всех отношениях. Вдохновитель проекта был не дурак: бухгалтерию вел двойную, ни в Интернете, ни в СМИ не позиционировался, интервью не давал. Он был настоящим фанатом – азиатоненавистником с выраженной, заразной харизмой, хитрый и предприимчивый. Кроме того – талантливым педагогом-организатором. После двух лет окраинного московского беспредела обновил явный и тайный уставы «Берлоги», зарегистрированной в местном управлении образования как внешкольное учреждение с производственной базой, и отбыл... В ту самую Венгрию. Там, выскочив однажды без документов в киоск за сигаретами, был сбит нетрезвым мотоциклистом... Дело было ночью, полиция доставила пострадавшего в ближайший госпиталь, где мужчина в состоянии шока назвал и настоящее гражданство, и имя, и фамилию. Оперативно связавшись с Российским посольством в Будапеште, полицейские с изумлением узнали, что дело об обычном ДТП берет под патронаж служба государственной безопасности. К палате больного была приставлена охрана. Когда он пришел в себя, то попросил съездить к нему домой, взять документы и кредитные карты, чтобы удостоверить личность и решить вопросы со страховкой. Документы были подлинные, страховка настоящая – ни малейшего повода для задержания после выздоровления... И ночью его убрали: дежурная медсестра даже не заметила, как подменили ампулу с безобидным общеукрепляющим препаратом на такую же со смертельным ядом и сама сделала русскому укол. Тот уснул и не проснулся. Патологоанатом констатировал инфаркт миокарда.

Услуга за услугу – венгерские коллеги выяснили из заслуживающих доверия источников, что в частном подмосковном пансионате залег, так сказать, молодой перспективный ученый, приготовившийся продать нашим чеченцам свое открытие.

В свое время, будучи еще физиологом-аспирантом, он получил грант правительства на разработку уникального лекарственного препарата. Исследование было трудным, можно даже сказать, мучительным, гораздо более долгим, чем планировалось. Оно «свернуло» с намеченной в рабочей гипотезе колеи и «покатилось» в сторону разработки молекулярных субстанций, приравняемых к биологическому оружию. Образец был произведен и испытан на домашних свиньях. Полученный эффект превзошел все ожидания, посыпались заказы, предприимчивые министерские чинуши продавали места в очереди на право быть ведущим производителем. Скептики сомневались в истинности заявленного результата и занимались откровенным его шельмованием в научной и околонучной прессе. Но воюющие страны и богатые

террористические группировки хотели приобрести любые, пусть даже опытные образцы, минуя главного посредника – государство.

Оружие XXI века – генное и молекулярное. Результат его воздействия – смерть, инвалидность, нервные и психические расстройства, умственная отсталость, бесплодие. Это оружие способно целенаправленно и эффективно истреблять живую силу потенциального противника.

Кроме того, биологические агенты, полученные при работе со стволовыми клетками, могут восстанавливать или увеличивать жизнестойкость военных, бойцов спецназа. И вот боевой биологический агент, устойчивый, эпидемичный, легко передающийся и трудно выявляемый, и «зародился» в недрах лаборатории Белы Меснера. Специально модифицированный, он мог бы избавить Африку от опустошающих налетов саранчи, Америку – от пожирающих ее термитов, трюмы сухогрузов с зерном – от полчищ крыс. Еще несколько лет подвижнического труда и немного денег... Но незавершенная работа оказалась дороже, потенциальных покупателей не волновали судьбы голодающей Африки.

Возмужавшее дарование, оторвавшись от колб и реторт, крыс, хомяков, морских свинок и домашних свиней, неожиданно обнаружило, что можно жить богаче, веселей и легче... Оно умело исследовать, наблюдать, сопоставлять и экспериментировать, но совсем не умело торговаться и блюсти интересы родины. Кроме того, наивно полагало, что имеет право распоряжаться результатами многолетней работы себя и своей небольшой команды, то есть публиковать результаты экспериментов в престижных гонорарных изданиях. Его вызвал один начальник, другой, – дарование проявило недюжинное упрямство и редкую несговорчивость. Статуса секретности эта лаборатория не имела, значит, ее руководитель никаких специальных бумаг не подписывал, особых обязательств перед силовыми ведомствами не имел. У Белы не было семьи, чтобы ею шантажировать, нелегальных доходов, чтобы изъять, фанатичных убеждений, чтобы их использовать. Только жизнь...

Ее и решили взять без ведома ее обладателя. Убить Меснера должен был Глеб Сиверов, агент по кличке Слепой.

Сиверов возвращался из Прибалтики, где охранял одного из руководителей таможенного ведомства, прибывшего в Юрмалу для подписания взаимодоговоренностей, улучшающих условия транзита российских товаров особого толка через Латвию. Поскольку подписание договора означало потерю барышей многими теневиками, охрану усилили профессионалами-одиночками. Возможные покушения до подписания были предотвращены, после подписания не имели смысла. Сиверов был свободен с того момента, как главный таможенник страны прочертил одну за другой две размашистых загогулины на тисненых бумагах, заполненных длинным перечнем условий, названий населенных пунктов, описаний форсмажорных обстоятельств.

Уезжая, Глеб обещал жене, что вернется скоро. Называть точные даты, во-первых, было нельзя, во-вторых – не честно. Ведь во время работы не принадлежишь себе. В этот раз все складывалось удачно: еще полсуток – и он дома, как всегда – с подарками. Глеб понимал, что дарить прибалтийский янтарь – банально, но во всех рассыпанных вдоль трассы кафе и гостиницах были изумительные ювелирные прилавки. Удивительная по стилю и форме брошь в виде букета желтых тюльпанов на серебряных стеблях стоила совсем дешево. Вернее – совсем дешево для истинного произведения искусства, хотя была самым дорогим ювелирным украшением из множества других, красиво разложенных на синем бархате. Живой, солнечный цвет камня идеально гармонировал со строгим черненным металлом, объединившись в порывистую, стрелчатую композицию. Не покидало впечатление, что на листьях и лепестках не высохла роса.

– Покажите мне это – попросил Слепой немолодую тонколицую хозяйку. Та благосклонно улыбнулась, одобрительно кивнула и сняла с шеи цепочку с маленьким ключиком. Отперев крышку витрины, дама взяла брошь в руку и приложила к мягкому узлу, которым была завязана белая шаль у нее на груди. Брошь заиграла, богато украсив обычное вязаное полотно.

– Беру.

Через минуту уложенное в бархатный мешочек серебряное украшение отправилось во внутренний карман его куртки, а раздумывавшая продавщица предложила гостю чашечку кофе за счет заведения. В холле была оборудована барная стойка, и там, в чистом раскаленном песке, дремали две медные джезвы.

- У нас по старинке, хотя наверху есть машина для эспрессо. Как желаете?

Он заказал по-турецки, двойной без сахара. Через несколько минут женщина выставила на дубовую столешницу две тонких чашки рижского фарфора, одну - себе, другую - Глебу.

- Замечательная покупка, - произнесла она, - но мне жаль, что теперь ее не будет в витрине. Я ее любила. И мастера, который ее сделал - тоже.

- Ваш муж? - поинтересовался Глеб.

- Сын, - ответила латышка. - Он умер.

- Простите, - пробормотал Сиверов, ему не хотелось грустить и притворяться тоже не хотелось, и он поспешил допить кофе.

- Я очень рада, что его искусство расходуется по всему миру. Знаете, мальчик был инвалид, и по всем медицинским прогнозам прожил непростительно долго - почти сорок лет. Он не знал женщин, но они носят его серьги, броши, ожерелья. Моя дочь, его сестра, утверждает, что это высшая справедливость - если не он сам, то его творения касаются женских тел. Мы с ней тоже носим его кольца - вот эти.

На дубовую стойку легла узкая ладонь, украшенная ажурным клубком серебряных нитей, в которых словно запутались маленькие янтарные солнышки.

- Потрясающе, - искренне восхитился Сиверов и вспомнил про Анечку - ведь уже совсем взрослая, примеряет Иринины шляпки перед зеркалом, прячет от него всякие женские штучки.

- Знаете, я бы и для дочери что-нибудь выбрал, лучше - брошь или подвеску, с кольцом ведь можно не угадать размер.

- А она похожа на вас? - дама пристально разглядывала его лицо.

- Да, похожа, - почему-то согласился Глеб, хотя Аннушка, взрослая, все больше становилась похожа на Ирину.

– Девушке подойдет вот это – на прилавок легло кольцо в виде толстой граненой цепи, с которой, чередуясь, свисали плоские кружочки желто-коричневого и зеленовато-серого янтаря. Каждая янтарная пластинка была в тонкой, словно взлохмаченной проволочной оправе, резко контрастирующей со строгими звеньями, прилегающими к шее.

– Отлично, беру! – обрадовался Глеб. – И футляр к нему, вот этот. Какой прекрасный мастер – ваш сын!

Глеб хотел сказать «был», но вовремя спохватился.

– Это не сын. Это дочь. Знаете, я Бога за все благодарю. Но особенно за то, что дал мне двоих детей. Я, родив инвалида, больше детей не хотела – боялась. А сын, именно сын, подслушав наш с мужем разговор, вмешался и настоял. Теперь, когда его нет, я понимаю, как он любил меня, как боялся оставить одну...

Дальняя дверь скрипнула, и на свет выехала девушка в инвалидной коляске. Ноги ее были укрыты такой же, как у матери, шалью, плечи неестественно, неодинаково приподняты, как при тяжелой форме кривошеи, красные, узловатые пальцы цеплялись за высокие колеса. На правом безымянном поблескивало кольцо.

Сиверов попрощался с латышкой, кивнул ее дочери и быстро зашагал к стоянке. Он гнал машину по скользкому шоссе и думал о той самой высшей справедливости, которая сделала творения талантливого мастера желанными и для пуританок, и для развратниц. И о том, что за все в жизни приходится платить. Двое здоровых, умных, красивых детей – огромный подарок судьбы, и чем она уравновесит это счастье?

Глава 4

Звонок Потапчука раздался, когда он въехал на МКАД. Если бы не «пробка» – не снял бы трубку и успел увидеться с Ириной. А теперь придется сворачивать на Ярославское шоссе, гнать до тридцать четвертого километра, потом по Красноармейскому. Там, на повороте на Левково, его будет ждать автомобиль, в

нем инструкция по выполнению операции.

Ничего о том, что ликвидировать придется человека, каждый грамм мозга которого стоит больше, чем годовой бюджет страны, которую тот считает родиной, Федор Филиппович Глебу не пояснил. Он и сам не очень вникал, зачем венгерским коллегам нужно избавиться от Белы Меснера, но помнил, что год назад пообещал им помощь и содействие в историях, аналогичных случаю с хозяином «Берлоги».

Свернув вправо, Слепой проехал метров двадцать, притормозил, отсчитал десять шагов в глубь леса, перпендикулярно трассе, увидел раскидистое дерево. Генерал предупредил, что ключи от автомобиля будут в дупле.

Он легко нашел ключи и брелок, соединенные металлическим кольцом. Вместо них бросил в древесную щель свой такой же комплект, поправил сползший с плеча ремень дорожной сумки и направился к дороге. Рядом с его серым «фольксвагеном» уже стояла «тойота», на влажной двери четко виднелся отпечаток руки. Пригнавший ее сотрудник, очевидно, был где-то поблизости, но присматриваться Сиверов не стал. Он быстро сел за руль, выжал сцепление и помчался в нужном направлении. Минут через семь-восемь съехал на обочину, остановился, открыл бардачок. Там, в мятом пакете из «МакДоналдса» нашел паспорт на имя москвича Ласло Адамиша, записку о том, что на это имя забронирован одноместный номер в пансионате с многообещающим названием «Астория-один», и фотокарточку женоподобного очкарика. На обратной стороне фотографии было написано: «На вид двадцать восемь – тридцать пять, фактически – сорок один. Родной язык – венгерский. Хорошо, без акцента говорит на американском английском, очень прилично на русском и иврите. Может изменить внешность. Особые приметы – плохой запах изо рта, всегда жует жвачку. Тщательно охраняется потенциальными чеченскими покупателями. Сколько охраны – неизвестно, но для семинара-практикума по гештальт-продажам в условиях рыночной экономики зарезервировано пять двухместных номеров и столько же одноместных. У всех «семинаристов» звучные чеченские и дагестанские фамилии».

Глеб закурил, стряхивая пепел в приоткрытое окно, внимательно посмотрел на фотокарточку и сжег ее, не выходя из машины. Пиликнул мобильник – ему прислали два новых изображения: в профиль, который обнаруживал характерную горбинку на носу, и с бородой, рыжеватой, в отличие от смоляных волос. Сообщение Слепой тоже удалил, пошарил правой рукой в глубине

бардачка, нашел два заряженных пистолета. Потапчук позаботился, чтобы оружие было легким, маленьким и простым в использовании. Это были отечественные, созданные КБ «Приборостроение» пистолеты «П 96-С». Без магазина каждый весит всего триста семьдесят пять граммов, вдвое меньше известного «Макарова». Стреляют «макаровскими» патронами, но в магазине их не восемь, а четырнадцать. Новейшей разработки, они пробивают сталь толщиной пять миллиметров и бронежилеты второго класса. Пока другие силовые структуры страны только готовятся принять «новичков» на вооружение, ФСБ уже снабжает ими тех, кто официально не числится в ее рядах.

Глеб взвесил оружие в руках, проверил предохранители. Один пистолет положил в карман куртки, второй засунул за ремень брюк.

Для Беллы Меснера начался финальный отсчет.

Глава 5

Гасан почти забыл, что когда-то работал над кандидатской диссертацией и числился методистом отдела науки Грозненского университета. С тех пор его Alma Mater стирали с лица земли, отстраивали, возрождали и снова толкли в порошок. Но это было давно, когда на выходные они с Гулей и Лилей ездили к родителям в горный аул со звонким названием Кировский. Мать в темно-зеленом платке выходила на порог и всплескивала руками.

– Вах, Джамиль, дети дома, а ты не улыбаешься!

Отец выходил вслед за ней, прятал счастливую улыбку в усах и бороде, сурово кивал и усаживался на большой плоский камень – талисман их дома и их рода, веками, а может и тысячелетиями лежащий на этом месте. Гуля и мама шли за дом, под навес, где на столе уже ждало блюдо с лепешками, по-русски укутанное теплым платком. Он нес следом модную венгерскую болоньевую сумку с городскими гостинцами – сухой колбасой, шпротами, зеленым горошком.

Лейла (ее Гуля дома звала Лилей, Лилечкой) в нарушение всех шариатских традиций бегала без платка, а в жару – с голыми руками и ногами. Она любила

помогать выбирать ягненка и, в отличие от своих жалостливых родителей, всегда была рядом с дедом, когда тот одним точным движением перерезал молодому барашку горло и сливал в таз остро пахнущую, дышащую паром кровь. Радостно гладила псов, терпеливо ожидающих поодаль, когда хозяин таким же уверенным взмахом вспорет еще теплое тело и, ловко орудуя кривым кинжалом, извлечет внутренности. Маленькая пятилетняя девочка расставляла в ряд миски, куда мягко шлепались сердце, печень, легкие – для людей, и остальная требуха – для собак. В эмалированную кастрюльку старый Джамиль с улыбкой бросал деликатес – итоги оскопления барашка, а Лейла несла бабушке. Потом возвращалась с ведерком и сама клала туда маленькую крутолобую голову с погасшими глазами и закушенным синеватым язычком. Из головы и ножек завтра будет суп – шурпа.

Гуля все это время проводила где-нибудь подальше от дома с книжкой в руках и в наушниках, закрепив на поясе подарок мужа – мини-плеер. Она выросла в городе в смешанной семье, где хозяйством заправляла мама-белоруска. Животных они не держали, мясо покупали в гастрономе, поэтому подобные «зверства» она выносить не могла.

А вот когда ей впервые в роддоме показали дочку – сразу поняла: славянская четвертина растворилась бесследно, девочка – стопроцентная чеченка. Гуля как могла воспитывала в дочери так называемое национальное самосознание, исследование которого являлось ее главным научным интересом. Они с мужем в детстве и молодости участвовали в КВН, субботниках, водных походах и студенческих отрядах – абсолютно космополитичных по духу. Они были лишены национальности.

Лиля слушала, как Джамиль читает Коран, знала от бабушки про смысл и тахарата, и эль-гуся – большого и малого омовений, а главное – гораздо лучше говорила по-чеченски.

Оставив деда свежевать тушку, Лейла с папой скоблили специальным резакон внутреннюю поверхность блестящей шкурки, чтобы потом растянуть ее на жестких распорках. Гуля, переждав в горах «убийство», уже помогала свекрови наполнять казан рисом и овощами, резала на каменной доске полоски карминно-красного мяса, терла в ступке специи.

Застолье получалось не совсем чеченским: плов, но на столе с тарелками, вилками. Там же лепешки, которые дед с удовольствием поливал шпротным

маслом и учил этому внучку. Домашнее вино в узкогорлом кованом кувшине и обычное шампанское. А еще, по детской домашней привычке, Гуля часто привозила укутанную в шарфик, уже сваренную картошку, и Зара всегда ставила ее на стол рядом с пловом.

За столом часто пели: отец сильным хриловатым голосом, мама очень тихо. Гасан и Гуля сидели на толстой овчине, изредка касаясь друг друга плечами, когда старики не смотрели в их сторону.

Гуля первая из них защитила диссертацию, прошла конкурс и стала доцентом. Гасан только собирался. Лиле было почти шесть, она готовилась идти в школу, естественно, в русскую – чеченской в их микрорайоне не было. На роскошной, блестящей «семерке», купленной с помощью и своих, и Гулиных родителей, он отвез жену и дочь в Кировский на недельку, чтобы в тишине и одиночестве подготовиться к решающему заседанию кафедры. Текст диссертации был полностью готов, лично перепечатан женой под три слоя копирки. Один экземпляр был уже у заведующего кафедрой, другой – у потенциального оппонента. Третий он сейчас вычитывал.

Уже было беспокойно, на работе много говорили о политике, законах Шариата, исламских корнях... Было в этих разговорах что-то наносное, надуманное. Словно кто-то подсыпал марганцовку в воду, как только она из розовой становилась бурой: пара новых кристаллов – и малиновые облака снова клубятся в стакане.

Он готовился стать кандидатом биологических наук и не замечал того, что творилось вокруг: ни бегства из города друзей и родственников, ни падения цен на недвижимость. Цена квартиры приближалась к стоимости билетов в Москву на семью из пяти-шести человек, включая транспортировку груза.

Гасан опоздал – война опередила его. Кажущийся безопасным аул Кировский стерли с лица земли. Взрывная волна спровоцировала камнепад. Погибли все – и пожившие долго, но не очень счастливо Джамиль с Зарой, и мечтательница Гуля – самый молодой доцент на факультете, и настоящая горная чеченочка, красавица Лейла-Лилия, умевшая разделявать барашков и танцевать в кругу. И еще несколько сотен почти советских по духу крестьян-колхозников, среди которых были, как полагается в настоящем колхозе, и председатель, и главный зоотехник, и члены правления. Стали жертвой несчастного случая. Как будто бомбардировка с воздуха, вслепую, для устрашения – случайность, а вызванные

ею сели и камнепады – редкий, непредвиденный результат!

Гасан месяц жил на развалинах. Он, и еще десятки обезумевших, надеющихся на чудо мужчин и женщин руками двигали каменные глыбы, приводили служебных собак. Никто не нашел ничего и никого – горы умеют надежно хоронить тех, кого убили. Но винили не природу. Проклятия сыпались на головы тех, кто затеял нечто страшное с куцым названием «конфликт».

Время шло, и надежд не осталось. Холодало. Люди доверяли друг другу ключи от городских квартир, чтобы кто-нибудь один пробрался в уже воюющий город и привез одеяла, куртки, чай, макароны. Вылазки удавались не всегда: дома часто оказывались разрушенными, долго пустующие квартиры разграбленными или занятыми бездомными.

Огромный камень-талиман, слегка покосившийся, потерявший красивый наряд из лишайника, стоял на месте. Словно символ вечности.

«Время движется и стоит на месте, – думал Гасан, – из него нельзя выйти. Щетина будет расти, кожа морщиться, волосы белеть, слезы высыхать. А Гуля и Лейла будут оставаться молодыми, гладколицыми, черноволосыми, хотя их нет совсем – ни сгнивших, ни замерзших, никаких. Им каждый год будет двадцать девять и шесть, а ему тридцать, тридцать один, тридцать два...»

Несколько раз, глухой ночью он выбирался из палатки, подходил к камню и упирался в него спиной, руками, лбом. Скрипел зубами, хрипел – но сдвинуть глыбу не мог. Она спокойно и величаво возвышалась над суетой и брэнностью мира.

«Камень, глыба, изваяние... Вечность во плоти, неистребимое напоминание о том, что было, кто был... Считался оберегом, талиманом, хранителем!» – Гасан возненавидел камень, хотя понимал, что это бессмысленно, даже глупо.

На месте погибшего аула возрождалось поселение. Кто-то решил остаться, потому что идти было некуда, другие – потому что не к кому. С гор к новокировцам спускались люди в хаки и в камуфляже, приносили еду и теплые вещи. Однажды принесли тяжело раненного мальчика лет семнадцати, потом другого. Среди поселенцев была одна бывшая медсестра, Гасан ей помогал. Но спасти раненых они не сумели – не было нужных лекарств. Один за другим

мальчики сгорели от сепсиса, лежа на чужих потных куртках... Их закопали рядом с камнем, завернув в те же куртки – больше ничего подходящего не было.

Назавтра снова пришли мужчины с автоматами, расстелили коврики прямо на холодной земле, повернулись лицом к Мекке и восславили имя Аллаха, даровавшего своим сыновьям почетную смерть в праведном бою с гяурами. Этот намаз изменил судьбу новокировского лагеря: измученные, больные люди, связали в узлы свои жалкие обветшавшие одежды, обернули еще одним слоем полиэтилена паспорта, ордера, свидетельства о рождении и смерти и ушли вслед за солдатами в горы, став частью незаконного бандформирования. Вслед за ними, серыми тенями последовали сильно одичавшие собаки, не отвыкшие жить рядом с людьми.

Глава 6

Врач Рашид-ага был очень пожилой и сам насквозь больной. Постоянно потирал искривленные инфекционным артритом короткие пальцы, носил во всех карманах конволютки с валидолом, старался пореже стоять, почаще сидеть. Гасан помнил его – встречались еще во время клинической практики в областной больнице. Старик не был ни хирургом, ни ортопедом, ни травматологом – обычный терапевт. Однако здесь, в лагере, брался за скальпель. Гасан, его вновь прибывший ассистент имел молодые глаза и твердую руку. Первые несколько недель он активно помогал в операционной палатке, потом и вовсе заменил старого доктора. Тот охотно готовил инструменты, стерилизовал биксы, делал инъекции, готовил операционную. Резать или нет, все чаще определял Гасан. Им обоим очень не хватало знаний, клинической практики, анестезиолога и элементарных антибиотиков, антисептиков, анальгетиков. перевязочный материал стерилизовался некачественно, по старинке, его тоже было катастрофически мало.

Именно это – нищета и нехватка опыта, свели полевого фельдшера Гасана с венгерским исследователем Белой Меснером. Они познакомились на форуме одного англоязычного сайта, где заинтересованные коллеги со всего мира высказывались по поводу возможностей нано-технологий в клинической медицинской практике. Сначала это был просто треп и выпендрож интерактивных «всезнаек», но по прошествии месяцев наметились общие

научные интересы некоторых групп общающихся. Гасан и Бела стали прочной, заинтересованной друг в друге парой. Каждый чуть-чуть недоговаривал другому о своей нынешней профессии и образе жизни, но обсуждать главное это не мешало. Они давно обменялись адресами и превратили показную полемику на форуме в почти интимную переписку о патогене скрейпи. Оба ученых сходились во мнении, что данный патоген представляет собой инфекционный белок, что, в общем-то, бросало серьезный вызов основным постулатам молекулярной биологии. Амбициозный Меснер нашел в лице Гасана понимающего слушателя, который на веру принимал и научные выкладки, и продолжающие их околонуточные фантазии. Был в их странном, тайном контакте даже некий флер романтики, когда хотелось, чтобы виртуальный собеседник оказался прекрасной дамой, окруженной оранжерейными розами, а не умным мужиком, придавленным обстоятельствами.

Среди скал и обрывов, редких чахлых кустов и почти вертикальных склонов чудом сохранившаяся телефонная линия была как окно в мир. Полевой командир Мамед Тагиров готов был недоесть, недоспать, недокурить ставшую обязательной привычкой анашу, но кабель сберечь. Он всегда был в исправности. Вся линия, ведущая к бывшему отделению связи, охранялась лучше и строже, чем госпиталь или кухня. Способы оплаты были отработаны. Деньги за услуги связи, основной из которых был доступ во всемирную паутину, регулярно переводились на соответствующие счета «центральной штабом». Гасан, как один из немногих, кто был «на ты» с хрупкой техникой, привезенной в трех плоских чемоданчиках и хранящейся у Мамеда в блиндаже, в свободное время рыскал в сети в поисках любых новостей. Это было его личной, бесценной привилегией. По совместительству с фельдшерско-хирургической службой он стал пресс-атташе их страшной компании: рассылал электронные заявки по тайным, всякий раз меняющимся адресам электронной почты, получал ответы, в смысл которых вникать боялся. Но и без этого было ясно, что и Мамед, и Захар, и Измир пришли в горы не сами, место дислокации лагеря определили не случайно. Оружие, боеприпасы, специальная литература, видеоагитки и томики Корана на русском, чеченском, фарси сбрасывали с вертолетов, привозили на БТРах. В лагере всегда были вода, еда, наркотики. Приезжали инструкторы, занимались с людьми стрельбой, приемами рукопашного боя, обучали ведению боевых действий в горах. Гасан лично оформлял интернет-покупку лазерных стрелковых комплексов «Рубин-410», и сам учился стрелять с помощью этих «навороченных» тренажеров. Отдельно Захар тренировал некоторых новобранцев, расклеив и развесив на качающихся от ветра веревках светящиеся мишени в самых труднодоступных уголках лагеря.

– Нас готовят для специальных заданий, здесь мы не останемся, – это понимали все, с кем проводились «дополнительные занятия». Иначе – зачем пистолеты, пригодные лишь для нападения или обороны на близких дистанциях, когда вокруг скалы и обрывы. Полезней было бы почаще брать в руки верного «Калашникова». Этим мальчишек Гасан не успевал запоминать в лицо, он видел лишь травмы, в основном – осколочные ранения, лечить которые получалось плохо. Они со старым Рашидом давно составили заявку, по форме идентичную тем, что Гасан делал для закупки стрелковых тренажеров. Медики просили прислать анестезиолога, стерильные пакеты и одноразовые шприцы. Нужны были и зажимы, и пилы, и шовный материал. Вопрос был в том – куда отправить этот текст. Захар прочел, перенаправил к Мамеду, тот и читать не стал, сказал, что пока надо подождать. А мальчишек привозили каждую неделю, иногда по двое, трое, четверо. С железом и свинцом в животах, головах, позвоночнике. С раздробленными или оторванными руками, ногами. В грязи и крови. Спасать удавалось не всех. Сгоревших от инфекции, сгнивших заживо торжественно предавали земле, то есть попросту заваливали камнями, завернув в плащ-палатки. Их несли далеко в горы, так далеко и высоко, что руки, казалось, не выдержат тяжести. Мужчины менялись: одно тело несли по очереди, как правило, две, а то и три пары бойцов с оружием. Пока шли – молчали, на отдыхе тоже. В знакомой долине, на дне высохшего русла, разгребали ветки и мусор, скатывали со склонов небольшие булыжники и создавали некое подобие алькова с невысокими, ладони в две, стенками. Туда, как в детскую ванночку, опускали мертвого мальчика, засыпали чем придется – песком, листьями, мелкими камнями. Сверху клали камни побольше, если могли найти. На самом крупном и гладком Ильяс писал имя и возраст умершего, рисовал тонкий изогнутый полумесяц.

В каждой «передатке» с «большой земли» были красивые, яркие упаковки специальных фломастеров, пишущих золотом или серебром и по камню, и по стеклу. Кто-то заботился о том, чтобы слуг Аллаха можно было посмертно обозначить корявой надписью на обломке скалы. Бинты, лекарства, шприцы присылали от случая к случаю, а эта художественная дребедень была всегда, и в избытке.

«Все похоже, история повторяется, – думал военный фельдшер, подкатывая очередной камень к могиле. – Кто-то устанавливает крест, кто-то – столбик с красной звездой, мы – камень с тонким исламским полумесяцем».

Захар привычно бубнил:

– Не считай же покойниками тех, которые были убиты во имя Аллаха. Нет, живы они и получают удел от Господа своего, радуясь тому, что Аллах даровал им по милости Своей, радуясь тому, что нет причин для страха и печали у тех, которые еще не присоединились к ним.

А мальчикам уже все равно, творит выживший товарищ намаз лицом к Киббле или читает зауспокойную, потупив очи долу. Они погибли не за веру, как будет написано на камне-надгробии, а потому что плохо стреляли, не успели спрятаться, оказались слабее. Некоторым просто не повезло. Зеленые повязки на лбу ничего не меняли – для большинства это был всего лишь ритуал, лишенный глубокого смысла. Куда больше волновались о том, чтобы не забыть положить в нагрудный карман тот самый толстый фломастер – если найдут уже мертвым, будет чем пометить надгробие.

Глава 7

Неприцельная стрельба – это то, чему в свое время Илларион Забродов уделял особое внимание. Как опытный инструктор, он знал наверняка, что в девяти случаях из десяти придется вести пистолетный огонь на дистанции менее десяти метров до цели. А неприцельная стрельба в таких условиях более эффективна. Почти невозможно выравнять мушку и плавно давить на спуск, когда в ответ тоже палят. Естественней – направить оружие в сторону нападающего.

Удивительно, как стройно и точно вспоминались давние уроки. В напряженные моменты всегда так. Шаг, еще шаг... Казалось, не будет конца этому роскошному коридору, по обе стороны которого жили мнимые участники семинара-практикума по гештальт-продажам. Почти как в известной кинокомедии, где гангстерские группировки собирались во Флориде под видом любителей итальянской оперы. Но там их было все-таки побольше, и почти все знакомы между собой. Этим придется вычислять, используя личное обаяние против простодушия дежурной администраторши. К сожалению, в лощеном, сверкающем никелем и искусственным мрамором холле не было плакатов и растяжек со словами приветствия участникам семинара. На столиках не было пригласительных билетов, зазывающих на пленарное заседание. Этот семинар не был заявлен ни в Интернете, ни в бюллетенях общества психологов. Так что

навать, что интересуешься гештальт-продажами, было бы неправильно. Гораздо надежней – прикинуться странствующим идиотом неясной сексуальной ориентации. Женщины любят быть снисходительными к «милым недостаткам», да и грех обижаться на такого клиента, который не пристаёт, не зовёт в номер на шампанское. Бронь на красивого мужчину с экзотическим именем Ласло сама по себе была приглашением к разговору.

– Журналист, писатель, критик? Каким ветром в наши края? – яркая тридцатилетняя дежурная привычно кокетничала с одиноким вновь прибывшим.

– Почти угадали, я – вольный художник, – на ходу сочинял Глеб, заполняя в карточке совершенно дурацкую строку – цель приезда. – Прибыл по совету товарища, вернее – двоих друзей, которые замечательно провели время вместе, наслаждаясь природой и гостеприимством персонала.

– Но вы-то один! – с понимающей улыбкой закивала барышня.

– Здесь и познакомлюсь, или нет никого подходящего? – Сиверов уставился на оторопевшую от такой откровенности дамочку и многозначительно подвинул паспорт с выглядывающей зеленой банкнотой.

Та заговорщицки кивнула и сострила в меру своей догадливости, оказавшейся совсем не лишней:

– Вы кого предпочитаете? Брюнеток? Блондинок?

Глеб промурлыкал:

– Только брюнеток, возраст значения не имеет, усики и бородка приветствуются. Так я спущусь минут через двадцать – вы мне кого-нибудь предложите?

Он забрал паспорт (уже без банкноты) и обнадеживающе пощелкал по нему костяшками пальцев – дескать, предоплата внесена, остальное – по факту предъявления перечня кандидатов.

Имевшиеся в запасе минуты секретный агент потратил на придание собственной внешности характерных, запоминающихся черт холеного извращенца. В киоске

на этаже купил сладкий дамский одеколон и кружевной носовой платок. Подумал, и оплатил еще тюбик гигиенической губной помады с ароматом земляники и большую плитку шоколада.

В номере осмотрел планировку, оценил наличие пожарной лестницы рядом с одним из двух окон, угловой балкон, позволяющий расширить обзор местности, близость леса и хозяйственных построек, в которых легко затеряться. Одного внимательного взгляда хватило, чтобы точно запомнить расположение пищеблока, гаража, спортивных площадок, огромной парковочной стоянки со сторожкой и автоматизированным шлагбаумом.

Еще минута-другая у зеркала – и из номера выплыл импозантный очкарик, отвратительно-сладко пахнувший и сверкающий неприлично влажными губами. Пиджак был демонстративно расстегнут, ремень затянут чересчур туго, а из кармана сильно расстегнутой рубашки выглядывал кружевной краешек платка. Нельзя сказать, что ему самому нравился подобный имидж, но и отвращения к нему Глеб не испытывал – обычный рабочий маскарад. Кем только не приходилось рядиться при выполнении заданий!

Вторая морально разлагающая купюра достоинством в двадцать условных единиц была заправлена под обертку шоколадки и край ее, точно как кружево платочка из кармана, интригуяще торчал наружу.

К чести хозяев подмосковной «Астории», двери люксов были оборудованы электронными замками, ключом к которым служили пластиковые карты. С заселением каждого нового постояльца такой ключ обычно перепрограммируется, как проездной билет в метро, коды доступа к программе есть либо у штатного программиста, либо у фирмы-разработчика. В последнем случае у главного администратора есть единый универсальный код на случай утери электронного ключа. Если организовать сбой в работе компьютерной сети пансионата, придется отпирать все электронные замки с помощью такого кода. Вряд ли он часто обновляется и тщательно охраняется. Скорее всего, можно добыть универсальный пластиковый ключ и бесшумно проникнуть в любой номер... С этого надо начать.

Семьдесят восемь коротких шагов от его угловых апартаментов до главной лестницы, девять дверей справа по ходу движения и восемь слева. Слева же вход в лифт, им пользуются нечасто – третий этаж. За одной из дверей, очевидно, комната горничных. На потолке в начале и в конце коридора –

пожарные извещатели, на стене непонятный план пожарной эвакуации.

Лифт сделал остановку на третьем этаже. Глеб замедлил и без того неторопливый шаг, чтобы увидеть, кто прибыл. Это была моложавая, симпатичная бабушка с мальчиком лет восьми. Мальчишка задержался у застекленной таблички и с досадой проговорил:

- Ну как ты не разберешься, бабуля? Вот лестницы, вот комнаты, вот балконы в них! Смотри, наша! Это же, как в компьютерной игре – вид сверху! У здешнего программиста такая есть. Я с ним вчера познакомился, он мне и показал, пока ты на дискотеке выплясывала. Я сегодня снова туда пойду, можно? Это рядом с танцевальным залом, через две двери!

- Потом, Димка, потом все обсудим, – торопила внука дама, явно досадуя, что ее назвали бабушкой в присутствии интересного мужчины. Пара скрылась за ближайшей дверью, отпирал мальчик.

Сиверов решил не пользоваться лифтом – спустился по лестнице. Взглянул на свое отражение в стеклянных дверях и остался доволен: выглядел он вполне убедительно.

К административной стойке подошел с лучезарной улыбкой. Блондинка профессионально держала паузу, делая вид, что занята. Глеб выждал секунд двадцать и легонько кашлянул. Еще некоторое время девица стучала по клавиатуре компьютера, потом удосужилась поднять глаза.

- А, это вы! Я сделала выборку, но еще не распечатала – времени не было, подождите.

- Зачем же так утруждать себя и расходовать казенные бумагу и картридж. Вы мне, голубушка, на флэшку, сбросьте, и все. Большой список получился?

- Немаленький, если вы не надолго, голубчик! – слово «голубчик» она произнесла нарочно, подчеркивая, что может позволить себе определенные вольности в общении с геем. – А если на месяц – как раз по новому товарищу на каждый день.

«Стерва крашенная», – мелькнуло в голове у Сиверова, он сделал строгое лицо и полез в карман. Увидев банкноту за оберткой, администраторша смягчила тон, заулыбалась, протянула руку. Тут уж клиент не отказал себе в удовольствии протянуть время. Держа шоколад на расстоянии, чуть большем, чем вытянутая рука корыстной сводни, Глеб следил взглядом за молодым человеком, спускающимся с лестницы. Тот и впрямь был хорош – тонкий, невысокий, смуглый, с огромными черными глазами и пухлыми губами. На голове – яркая, надвинутая на брови бандана.

– Этот в списке есть? – растягивая слова обратился Сиверов к следящей за пока недоступной купюрой барышне.

– Под номером семь, но живет в одной комнате с восьмым, не судьба Вам с ним, – и она, привстав, выхватила шоколад у Глеба из рук.

– Это к чаю, ешьте на здоровье! – он оценил акробатический трюк. Еще раз посмотрел на удаляющегося в сторону спортзала юношу и задал совершенно неожиданный вопрос.

– А где кормится этот орел и ему подобные птицы?

– Вы про столовую? Его там не «снимете» – он из люкса, ему и еду туда носят. Я, кстати, тоже не гусыня, знаю, где проще всего знакомиться, поэтому записала для вас сведения и о питании, и о бассейне, и о спортзале. В библиотеку из всего списка только двое записались, тоже отметила. Кино и танцы мы не фиксируем – тут уж, как говорится, следите за рекламой... А пешими прогулками у нас только старики с детьми грешат. Ими, надеюсь, вы не интересуетесь?

– Я не уголовник, – миролюбиво отпарировал Сиверов, он уже простил бойкую администраторшу – перечень мест в столовой и распорядок спортивных занятий искупали любые нюансы в ее поведении.

– Сами-то как – в столовой или в номере есть будете? С доставкой – дорого, доплачивать придется.

– Я вам через полчаса позвоню и скажу, не знаю пока, – чтобы принять это решение, нужно было изучить список, сделать это можно было только у себя.

– О'кей, – ответ он услышал уже издали, отойдя к будке спортивного магазина и с интересом рассматривая выставленные в витрине образцы. Слепого заинтересовал серо-коричневый свитер с капюшоном, в народе прозванный байкой. Пусть блондинка думает, что он фасонит перед черноокиим красавчиком, но присутствие этого парня в пансионате говорит о многом. Глеб узнал его. Это лицо он видел несколько лет назад, когда познакомился с материалами ФБР, касающимися уличных банд Америки. С тех пор прошло почти три года, и всему миру стало ясно, как ошибались американцы, ставя группировку с названием MS-13 в один ряд с другими. Уже тогда это было хорошо организованное, обученное и фанатично преданное идее борьбы с законной властью сообщество, насчитывающее десятки тысяч членов в США и Сальвадоре. Опыт ведения боевых действий в экстремальных природных условиях закалил ее идеологов и инструкторов, большинство из которых начинали как участники фронта имени Фарабундо Марти, а легкий доступ к оружию и боеприпасам, поставляемым из Советского Союза, сделал эту группировку очень и очень опасной. Лишь недавно Штаты признались миру, что недооценивали ситуацию, и в ФБР было создано специальное подразделение по борьбе с бандой. Его возглавил кадровый сотрудник агентства Роберт Клиффорд. Сколько человек находится под его началом – никто не знает и сейчас. Это служебная тайна. Известно только, что Клиффорду дано право привлекать к своим операциям с полдюжины силовых агентств своей страны. И хотя о возможных связях международного преступного сообщества под названием MS-13 с «Аль-Каидой» пока умалчивалось, было бы наивным предполагать, что их не существует. Размышления не заняли и минуты, Слепой вошел в «аквариум», попросил принести понравившуюся вещь нужного размера, расплатился наличными и быстро ушел к себе.

– Какой мужчина! А плечи – косая сажень! – продавщица позвонила по внутреннему администраторше, они были двоюродными сестрами.

– Этот что ли, в темных очках? Да он по мальчикам работает – у нас осенью и услуги такой нет. Ваньку с Гришкой из сельхозтехники, разве, нанять? Так они мне за такое предложение и по мозгам дать могут, а уж ославят на весь поселок! Не в сезон дай Бог натуралов обслужить, не до извращенцев! Он, между прочим, по паспорту еще и женат!

– Не может быть, ни за что бы не подумала! А я тебя просить хотела – если он девочек будет заказывать, чтобы ты меня к нему направила, по-родственному, по-семейному. Н-да, вот клиент пошел! А с виду – просто красавец!

– Не красавец, – хохотнула блондинка, – а голубец. Так-то, сестренка. Пока, работай.

Девушки положили трубки и занялись каждая своим делом.

«Красавец» тем временем отправился на поиски танцевального зала. Собственно, на танцы Глеб не собирался, ему нужен был программист, знающий универсальный код и программу для этого кода.

С аварийным электронным ключом Слепому просто повезло – когда он с интересом новичка прирос взглядом к афише танцевальных вечеров, программист как раз болтал по телефону. Судя по тону, это был бесконечный треп ни о чем двух влюбленных. Те самые милые обиды и оправдания, нарочитые придирки и недомолвки, которые сшивают отношения прочными стежками. Из-за двери раздавался высокий, почти мальчишеский голос, рассказывающий о том, что не позвонил вовремя, потому что завозился с пластиковыми карточками-ключами, перепрограммируя, как обычно, раз в десять дней универсальные аварийные экземпляры. А теперь, когда все готово, он и сам бы позвонил, просто она на десять секунд его опередила. Вот спрятал бы работу в сейф и сразу набрал бы.

О лучшем стечении обстоятельств и мечтать не приходилось – Сиверов ворвался в никем не охраняемую, даже не запертую изнутри комнату и стал громко жаловаться, что его электронный ключ испорчен, поцарапан и не внушает никакого доверия. Застигнутый врасплох паренек вскочил с вертящегося кресла, спиной заслоняя монитор и нашептывая в телефонную трубку, что перезвонит. Истеричные и абсолютно глупые претензии клиента заставили его растеряться. Он что-то пробормотал о том, что лучше обратиться к дежурному администратору, но мужчина, производивший впечатление психически неполноценного, наседавал, размахивал руками, оттесняя программиста от стола и угрожая забросать жалобами районную власть. Десяти секунд скандала Слепому хватило, чтобы найти нужный ключ среди лежащих на столе. Опустив кусочек пластика в карман, скандалист и паникер заметно притих, заговорил о влиянии всемирной паутины на человеческий разум, о том, что дети становятся зависимы от компьютерных игр. Потом неожиданно поинтересовался, где милый юноша учился. Огорошенный и окончательно сбитый с толку, парень стал отвечать требовательному постояльцу, а тот как-то очень интимно похлопал его по плечу, извинился за вредный характер и вышел вон. На прощание предложил вечером вместе выпить в баре и многозначительно послал воздушный поцелуй.

Если парень расскажет о жалобнице администраторше, та объяснит ему, что этот клиент – обычный нервный гомосексуалист, использующий любой предлог для знакомства с приятными юношами. А сейчас пусть прячет в сейф металлическую коробку от печенья, в которой хранятся резервные электронные ключи и благодарит Бога за то, что наградил его громким голосом и четкой дикцией. А еще – ревнивую молодую жену, которая позвонила очень вовремя. Не совпади все так удачно, Сиверов все равно добился бы своего, только другим, менее гуманным способом.

Глава 8

Если бы Бела жил и работал не в Венгрии, он никогда не оказался бы в подобной ситуации. С самого начала все пошло бы по-другому. А так – блестящая учеба в школе Будапешта практически гарантировала ему поступление в московский университет, куда самим москвичам путь был открыт далеко не всегда. Талантливый биолог, он выделялся среди разнонациональной студенческой братии не только редкой толковостью и усидчивостью, но и твердой убежденностью в том, что по окончании курса вернется на благополучную, политически стабильную дружественную родину. Никаких планов по поводу организации бизнеса в рамках дружбы народов или эмиграции в страны загнивающего капитализма Бела не вынашивал. Домой ездил часто – это было недалеко и не дорого. Ни баулов с фирменными джинсами и футболками, ни видеокассет не привозил. Он любил русские пельмени и чай «Бодрость» с зефиром. Пять студенческих лет он прожил в одной комнате с комсомольским активистом Пашей из Нижневартовска, и ничем не помог ему в осуществлении заветной мечты: найти и сдать родине заграничного шпиона. Бела был скучен до тошноты, ничего не знал и не хотел знать о политике, сексе, разлагающем влиянии поп-культуры. У него были две пары привезенных из дому джинсов и одна завидная джутовая куртка, но на занятия он ходил в брюках и пиджаке. Читал исключительно учебники, так что обвинить его хоть в какой-нибудь пропаганде чуждых идей было невозможно. Даже девушками, замечательными кругло и плоскогрудыми славянками, казашками, коренастыми прибалтийскими молчуньями – он не увлекался. Ни даром, ни на спор, ни за пластинку группы «ABBA», которые у него на родине продавались свободно, а в Москве позволяли неделю обедать в приличном ресторане, он не соглашался остаться с кем-то из них наедине. Он был из тех странных «знаек», которых не любят, но

знакомством с которыми обоснованно гордятся и хвастаются. Пять московских лет пролетели быстро. Бела был самым молодым выпускником-иностранцем на курсе, потому что не учился на подготовительном – школьного знания языка было достаточно, чтобы сразу приступить к учебе на русском. В университетской библиотеке и школе общественных профессий, посещать которую мог любой желающий, он усовершенствовал свой и без того неплохой английский. И все это как-то само собой, без эпатажа, выступления на комсомольских и партийных сходках, участия в самодеятельности. Этого Бела Меснер действительно не любил и просто не мог принять: любая публичность, даже обычная человеческая открытость были ему чужды.

«Ореховый мальчик» – это прозвище придумала ему бойкая молодая преподавательница исторического материализма. Она частенько бывала и в общаге у фарцовщиков, и в дорогих валютных барах, куда ее обычно сопровождали собственные студенты. Всех юношей, кроме этого интеллигентного, равнодушного к сладкой жизни венгра, она хоть как-то интересовала.

– Если не как самка, то хотя бы как человек! – возмущалась женщина с преподавательской кафедры общественных наук. – А этот – словно червь в орехе – спрятался в скорлупу и не высовывается.

– Какой же он ореховый червь, милочка, – возразил ей пожилой преподаватель. – Этот Меснер – самый что ни на есть золотой орешек с изумрудным ядрышком. Такого только ученая белка разгрызет, а они, как известно, лишь в сказках водятся, да еще за границей.

«Много чести – зубы об него ломать», – подумала преподавательница, но на очередном семинарском занятии попыталась Белу «завалить». Ничего у нее не вышло – парень знал ее предмет блестяще. Отвечал на вопросы, дословно цитируя конспект. Придраться не к чему, да она и не была злой или мстительной.

За годы учебы в Москве он не завел ни одного друга, а уезжая даже не предложил соседу по комнате обменяться адресами. Тот, собственно, и не ждал от него ничего подобного. Его не самое удачное фото еще полгода висело на доске отличников, вызывая у провинциалов недоумение: почему Бела, если он мужик?

Меснер запомнился всем преподавателям: ровный, стабильный отличник и тишайший жилец буйной общаги.

В Будапеште Белу ждал сюрприз: любимая девушка была беременна. Не надо было быть ни биологом, ни физиологом, чтобы догадаться, что круглый красивый животик Каролине надул не он. Шесть лет она была его единственным и неизменным сексуальным интересом. Когда они были детьми, одноклассниками, она тоже всегда приходила по первому приглашению, играла с его конструктором, слушала его музыку, при нем красила глаза и ногти, листала запрещенные журналы. Их первая близость произошла неожиданно, по крайней мере, для него. Бела, как всегда, сидел над учебниками. Тогда он осваивал основы генетики. Ближе к вечеру отец заглянул в его комнату и виновато попросился. Сын знал: у него роман с сотрудницей, и ночевать снова придется одному. За последние два года Бела привык к этому – пусть лучше у подруг ночует, чем водит их сюда. И бабушка так говорила, и классная руководительница. Мамы с ними не было никогда – умерла при родах.

Убедившись, что за папашей захлопнулась дверь, он сделал музыку погромче и стукнул в стену. Через минуту Каролина уже сидела на его диванчике, укрывшись легким клетчатым пледом, и листала очередное глянцевое издание из соседнего киоска. Случалось, они так просиживали целые вечера – он за трудной книгой, она за яркими картинками популярных журналов. Наличие-отсутствие в доме отца или бабушки на это никак не влияло – Каролина была полноправным членом семьи с тех пор, как ее мама однажды попросила его папу побыть с девочкой минут десять-пятнадцать, пока она сбегает в магазин. За эти минуты дети очень подружились, им хотелось быть вместе. Их родители-одиночки сначала приняли это за знак свыше, но ошиблись. «Знак» распространялся только на детские отношения, которые взрослых не объединили.

Бела привычно попросил подружку сделать бутерброды и чай, она знакомо поворчала и отправилась на кухню, вернулась с полным блюдом сэндвичей. И вдруг, когда она стояла в дверном проеме, он разглядел, что под длинной, свободной футболкой на ней ничего нет. И это очень красиво, и очень интересно.

– Ты почему голая пришла? – спросил он напрямик.

– Из душа только что, да и жарко, разве нет?

– Мне тоже жарко, ну и что! – парень еще не понимал, что с ним происходит.

– Отстань, я тысячу раз так приходила, и никому это не мешало. Пойду оденусь, а ты кассету пока перемотай.

Она ушла и через пару минут возвратилась. Теперь под футболкой были белые трусики с яркой маленькой картинкой.

– Без них мне больше нравилось, – честно признался он.

Книга уже не читалась, а музыка не слушалась – ее заглушал непривычный шум в ушах. Как будущий биолог, он тысячу раз видел статьи о характерных реакциях мужского организма на повышение уровня тестостерона: и выброс адреналина, и сосудистая реакция, и изменение сердечного ритма... Пока Бела мысленно оценивал свое состояние, Каролина приподняла футболку и сняла трусики. Переспрашивать, правильно ли он ее понял, не пришлось – майка тоже упала на пол. Уже через мгновение его джинсы тоже были на полу. Рубашку он снять не успел....Кажется, ей понравилось.

Ни обсуждать, ни оценивать вслух случившееся они не стали. Просто теперь, когда она приходила, все случалось словно само собой. Единственное, о чем будущий ученый счел нужным поговорить, – это опасные и безопасные дни. Заводить малыша он пока не планировал.

За все шесть лет Каролина ни разу не отказала, не придумала отговорки или болезни. Она всегда порывисто и смело ложилась на его диван, всегда честно называла даты критических дней, тяжело и шумно дышала вначале и закусывала нижнюю губу в конце. Он редко звонил из Москвы, но когда приезжал – все свободное время посвящал ей. Разговаривали по душам они по-прежнему мало. Бела считал, что высшая форма любви, доверия – когда и без слов все ясно.

Увидев выпирающее пузико, свежее дипломированный биолог прикинул срок – около двадцати недель. Выходит, когда он был дома в последний раз, Каролина уже была в положении. Он тихо сел на разбитый диванчик, обхватил голову руками и просидел, не двигаясь, почти сутки. Как в бреду или тумане видел и слышал ее передвижение по квартире, разговоры с отцом, попытки прикоснуться к плечу, принесенные и убранные тарелки с едой, чашки с питьем.

Казалось странным, что отец деятельно во всем этом участвует, суетится, распаковывает его сумку и целует красную коленкоровую книжечку – диплом с отличием об окончании МГУ.

Только к ночи Бела осознал, что Каролина теперь живет у них, беременна от его отца и абсолютно счастлива. Жить со старшим Меснером она начала на год позже, чем с младшим, когда Бела уехал в Москву. Папа почему-то к сыну не ревновал, а она жалела и любила обоих.

Уже назавтра несостоявшийся жених снял отдельную квартиру, а через неделю поступил на работу в Будапештский университет на отделение медицинских наук. Его охотно приняли и предложили место в аспирантуре. Летом университет пустовал, можно было спокойно осваиваться: изучить расположение длинных коридоров, меню буфетов, фонды библиотеки. Жить совсем один Бела не привык, но приходилось учиться и этому.

Другим серьезным испытанием стало вступление в партию. Кафедрой заведовал профессор Габор Солти, блестящий ученый-физиолог, почему-то вдруг решивший, что истинного блеска мужчина может достичь, только сделав политическую карьеру. Со временем Бела разобрался, что эту мысль профессору внушала кривоногая, глазастая лаборантка, бездарная и тщеславная одновременно. Габор стал одним из основателей оппозиционного движения «Венгерский демократический форум». Он даже пробился в президиум на историческом первом его собрании в Лакителеке под Будапештом. Первые полгода работы на кафедре сопровождались пламенными и, что удивительно, абсолютно искренними беседами заведующего с сотрудниками и аспирантами о христианско-гуманистических, национально прогрессивных и либеральных идеях. Бела внимал начальнику с почтением. И когда тот предложил вступить в ряды демократов, отказаться не посмел. Членские взносы он платил исправно и даже один раз пришел на собрание. Политика Белу Меснера по-прежнему не интересовала, но, если от нее зависела карьера, он готов был числиться в партийных рядах.

Еще одним событием стало рождение ребенка Шандора Меснера и Каролины. Так Бела превратился в старшего брата малютки Иштвана. О том, что малышу пора родиться, Бела догадывался, но точных известий не имел – со дня своего побега ни разу не звонил домой, и его никто не искал. Даже не сообщили о неожиданной, нелепой смерти бабушки от закупорки легочной артерии. Об этом он узнал от ее соседки, которую встретил на улице случайно. Эта же болтливая

фрау Хелена сказала, что у Шандора прибавление в семействе.

Новость разбередила незажившую рану. Бела часто представлял отца, занимающегося любовью. Не с забытой мамой или незнакомой любовницей, нет! С Каролиной – маленькой, глупой, трепетной. Меснер-младший не мучил себя вечным «почему»? Почему она так поступила, выбрала старшего – заурядного, небогатого, неперспективного Меснера? Ответ был один – судьба. Никто не виноват, ни с кого не спросишь.

А потом Бела встретил их в клинике, куда заехал договориться с потенциальным соавтором о совместной публикации в «Университетском вестнике».

Нахохлившиеся, поблекшие, почему-то очень похожие между собой, Шандор и Каролина сидели в очереди в кабинет к специалисту по генетике. Молодая мама держала на коленях сверток, очень большой, шевелящийся, побряхтывающий. Бела замер за колонной – он хорошо знал этот кабинет, а еще то, что завернутых в одеяло детей можно увидеть в Москве на вокзале, в руках невымытых беженков из таджикских степей, но не в ведущем медицинском учреждении Будапешта. Сверток забеспокоился сильнее, из него то и дело высовывались странные, недетские когтистые лапки.

– Пить, мама, пить! – скрипел сверток. Каролина кивнула Шандору. Папаша выудил из накладного кармана сумки детский поильник и подал ребенку. Каролина отогнула угол клетчатого одеяла. Младший брат Иштван оказался чудовищем. Стало понятно, почему родители прячут его, кутая в шерстяной кокон.

В университете Бела слышал об этом заболевании на факультативе по генетике. Преподаватель упомянул о нем вскользь, потому что материала о прогерии – так называлась эта болезнь, имелось очень и очень мало. Бела потом нашел в вестнике американского университета имени Джона Хопкинса маленький отчет, подтвержденный данными нескольких других лабораторий. Там говорилось, что препараты группы ингибиторов фарнезил трансферазы (FTI) способны предотвратить развитие процессов старения в культурах клеток, аналогичных клеткам больных прогерией, или, по-другому, синдромом Хатчинсона – Гилфорда. Их ядра, в отличие от нормальных ядер округлой формы, состоят из многочисленных долей и иногда даже имеют вид виноградных гроздьев.

В американских лабораторных условиях применение FTI, уже проходящего клинические испытания на онкологических пациентах, возвращало ядрам

стареющих клеток нормальную форму. При этом препарат блокировал синтез дефектного белка, вызывающего синдром фатального старения, на ранних этапах его формирования. Но из отчета не было ясно, достаточно ли возвращения ядер их нормального внешнего вида для предотвращения или хотя бы замедления развития заболевания.

Бела с трудом проглотил комок ужаса. Сострадание и чисто профессиональное любопытство заставили его подойти к отвергнутым родственникам. Каролина побледнела, попыталась прикрыть сына углом пледа, Шандор вскочил, рванулся вперед. Потом замер, безвольно опустил руки и заплакал. Старший сын медленно приблизился к нему, положил руку на плечо. Потом подсел к Каролине и улыбнулся Иштвану.

– Ну, привет, как дела? – он взял малыша за сухую старческую ручонку, пощекотал ему живот.

Иштван радостно залепетал, заулыбался. Это была нормальная, адекватная реакция полуторагодовалого мальчика на искренние заигрывания взрослого. Но огромная, светящаяся прожилками сосудов лысая голова, загнутый книзу клювик носа, крошечный, с двумя подгнившими зубиками рот вызывали содрогание. Кожица на лице складывалась в пучки морщин, искривленные пальчики цеплялись за трикотажный гольф, оставляя крошечные затяжки.

– Ну, иди ко мне, братик, садись на колени! – Бела подхватил малыша, резко выдернув его из огромной шерстяной пеленки. Тот не испугался, не заплакал, словно знал старшего брата со дня рождения. Тонкие, стариковские ножки отделял от крошечной острой попки «дежурный» памперс, который казался огромным по сравнению со страшной, недетской худобой.

Каролина смотрела на обоих с тоской и усталостью, она исхудала так, что ее кожа светилась, почти как у сынишки, хотя выглядела она гораздо моложе его.

– Давно началось? – поинтересовался Бела у отца.

– Врачи говорят, слишком рано, ему и семи месяцев не было, когда стало понятно, что происходит что-то совсем неправильное. А уже к году сомнений не было – прогерия. Вероятность – один случай на несколько миллионов рождений, генная мутация. И этот единственный случай – в нашей семье, с нашим

ребенком. Мы и не знали раньше, что такое бывает, не слышали никогда.

Маленький, сухокожий глазастый гномик весело стучал поильником по колену Белы, примерял ему на голову свою полосатую трикотажную шапочку, шлепал ладошками по впалым сморщенным щечкам. Пожилая медсестра издали заулыбалась, но, поравнявшись с семейством, в страхе перекрестилась. Ожидающая напротив пара с вялой, слюньювой девочкой в ходунках с интересом наблюдала за Меснерами. Казалось, они сравнивают детей, наказанных природой, и считают, что им повезло больше.

Иштван прожил всего до девяти лет. Умственно он был абсолютно нормальным ребенком, но с полным букетом старческих недугов. Последние полгода жизни малыш уже не ходил – бессильно догорал на госпитальной койке. Время, такое отлаженное, прогнозируемое, сбивалось в этом иссохшем тельце со своего естественного ритма и заставляло органы и системы стареть так стремительно, что постичь это было невозможно. Иштван десятки раз в год сдавал кровь, мочу, стволовые клетки. Его горькая судьба служила материалом для изучения генных мутаций геронтологам всего мира. Таких, как он, страдальцев насчитывалось не более полутора сотен по всей планете, в своей стране он был единственным.

С первой минуты запоздалого знакомства братья полюбили друг друга той великой родственной любовью, которую называют голосом крови. Беспокойный, вечно кашляющий, задыхающийся Иштван научился звонить Беле на работу, и трижды в день интересовался, как дела. Бела оставил съемное жилье и вернулся домой. И, само собой, все научные интересы старшего брата теперь касались генных мутаций, в том числе, связанных со старением как результатом накопления всевозможных ошибок в деятельности клеток. Сбои в работе биологических часов, попытки уравнять ход времени для всех живущих ради спасения одного, любимого, скоро и безвозвратно уходящего из жизни, делали Белу Меснера одержимым в работе.

Глава 9

Сиверов тенью промелькнул по коридору третьего этажа, успев, тем не менее, уловить, что за дверью триста восьмого работает телевизор, а в триста одиннадцатом шумит вода в душевой кабинке. Войдя в свой триста

пятнадцатый, он сразу вытер тыльной стороной ладони непривычную гигиеническую помаду. Затем слегка ослабил ремень, создававший эффект «дамской талии», но пистолет не вынимал. Список потенциальных охранников Белы Меснера и покупателей его открытия, он читал прямо с флэшки, вставив ее в USB-вход мобильного смарт-фона. Вот они, молодые brunеты, населившие «Асторию-один» незадолго до его прибытия. Имена и фамилии говорят сами за себя – Ильяс Гареев, Захар Джагаев, Гасан Сабитов... Тут же и очаровашка под номером семь – Тимур Вахитов, живет в одном номере с Рустемом Вахитовым. Любопытно, на каких языках, кроме английского и португальского, общаются эти родственники? Глеб искал венгерское, русское или американское имя – таких в списке не было. Скорее всего, Бела Меснер прибыл и поселился по фиктивным чеченским документам. Одно из списка было совершенно ясно: часть «клиентов» Глеба живет на его этаже, остальные на четвертом. Причем апартаменты расположены так, что можно проникнуть из верхних помещений в нижние, не выходя в коридор, по пожарным лестницам на балконах. И на третьем, и на четвертом этажах есть помещения, занятые постояльцами, не имеющими отношения к операции. К сожалению, в одном из них, в триста первом, точно проживает ребенок, мальчик Димка. Возможно, и в других номерах есть дети.

Столовая, похоже, ничего не прояснит – все подозреваемые обслуживаются в номерах. Значит – на повестке дня спортивный зал и уже добытый аварийный пластиковый ключ... Слепой снял темные очки, сильно потер глаза. Сделал несколько специальных упражнений: поводит зрачками влево-вправо, вверх-вниз, помассировал надбровные дуги, размял шейные позвонки. Еще раз внимательно вчитался в столбцы имен, фамилий, расписание спортивных занятий и удалил документ. Все, что может понадобиться для поиска, идентификации и уничтожения человека, указанного Потапчуком, уже впечаталось в память.

Теперь важно было успеть убрать Меснера до того, как он продаст свой товар.

«Думай, Глеб, думай, – настраивал себя мнимый Ласло Адамиш, быстро переодеваясь в спортивные брюки и только что приобретенную байку. – Если дело касается науки, а это именно так, среди прибывших должны быть люди, хоть что-то в ней понимающие, имеющие высшее образование. И еще – торг будет вестись на языке, понятном главным участникам сделки. Если это венгр и чеченцы – на русском, если венгр и латиносы, на английском. На обоих Бела говорит свободно, а покупатели – только на одном из них. Значит, в группе есть

переводчик, услугами которого пользуются и сейчас, на этапе предварительной сделки. И еще – времени мало, совсем мало. Оно не ждет, не стоит на месте. Пока я шнурую кроссовки, бандиты могут начать переговоры».

Глеб вошел в тренажерный зал и сразу понял, что Меснера в нем нет. Блестящий от пота Тимур качал грудные мышцы на силовом тренажере, его товарищ с усилием давил на педали степпера. И так, эти не в группе охраны. Следовательно, именно им нужно то, что изобрел венгерский гений. А это значит, где-то в недрах четвертого или третьего этажей идет подготовка, обсуждаются условия, проверяется надежность электронных счетов. Глеб быстро покинул зал, услышал, как хохотнула ему вслед красотка-администраторша. Она же предупреждала, что мачо занят, а назойливый Ласло решил испытать судьбу. Вот и выскочил, как ошпаренный. Может, эти двое вообще нормальные мужики, хотя для нормальных уж больно глазастые. И майки носят с таким «декольте», что даже ей неловко.

Глеб спешил. Важно было задержать торг.

Решение пришло неожиданно, а подсказал его знакомый маленький Димка. Он тащил свою красивую покрашенную бабулю вниз по лестнице и на ходу убеждал – подумаешь, сломала каблук! До танцев еще восемь часов – сейчас зайдем в Интернет, это по пути, в подвале. закажем тебе любые туфли, через час привезут – Москва рядом. Кредитка с собой? Выбирай дорогие – тогда доставка даром. Или, если в нагрузку ерунды набрать – тоже за так привозят. Мама всегда так делает – одеколоны там, помады, шампуни всякие берет. Я тебя научу. Точно, кредитку не забыла? Женщина сосредоточенно кивала, соглашаясь. Видимо танцы для нее много значили, если она готова была приобрести обувь без предварительной примерки.

«Молодец, мальчик, торопись, помогай старшим». Сейчас он, секретный агент по кличке Слепой, найдет аппаратную, нейтрализует на время дежурного техника и повернет рубильник в положение «выключено». Телефонная линия «умрет», и вместе с ней – Интернет. Будете медлить – бабушке придется танцевать в тапочках. Кажется, здесь бар. Берем коньяк и апельсины. Это срабатывает наверняка – ни женщина, ни мужчина не откажутся.

Приятная пожилая барменша честно, даже с крошечным прибавком, взвесили три больших апельсина, уложила их в фирменный пакет. Туда же опустила бутылку коньяка. Не каждый день у нее начинался так удачно, поэтому, прежде

чем вручить пакет Сиверову, она суеверно перекрестила его полученными купюрами. Он поблагодарил и уже на выходе поинтересовался:

- Что-то телефон у меня в номере барахлит. Звонить должны издалека, на мобильный не станут – дорого. К кому бы обратиться?

- У администраторши заявочку оставьте. А хотите побыстрее – прямо в аппаратную зайдите. Там техник, Толя Рыжий, он посмотрит.

Глеб улыбнулся.

- Рыжий, говорите? А где аппаратная?

- Это фамилия такая, сам-то он лысый почти.

Она была не прочь поболтать с приятным покупателем, но тот спешил. Еще раз переспросил, где можно исправить неполадку, и исчез.

«Мужественный какой, и красивый...» – мечтательно подумала женщина, провожая Сиверова взглядом.

В аптечном киоске Глеб купил средство от бессонницы, аккуратно перелил в бутылку с алкоголем, предварительно сделав пробный глоток.

«Подделка», – безошибочно определил он, бегом спускаясь в цокольный этаж, который продвинутый Димка назвал подвалом. Вот интернет-кафе, в нем только дети, да бабушка с внуком. Это естественно, у прибывших за чудо-препаратом Белы Меснера техника с собой. А вот и последняя дверь с обычным, механическим замком. Глеб присмотрелся – не заперто. Он взъерошил волосы, сдвинул очки на самый кончик носа, провел влажным пальцем по бровям, придав им на время кустистый вид. Его удачная утренняя покупка, байка, была двусторонней, и он быстро надел ее наизнанку. Блеклая серо-коричневая одежда стала ярко-коричневой с заметными, обработанными светлой нитью швами. Капюшон пришлось заправить внутрь. Смена декораций заняла несколько секунд. Сиверов мог гарантировать, что никто ничего не заметил: ни переодевания, ни оружия за поясом.

– К вам можно? – изменившийся до неузнаваемости агент Слепой робко заглянул в вотчину Рыжего, вопрос он задал подобострастно и мило. Толян благосклонно кивнул, дескать, входите. Сиверов открыл рот, сглотнул от волнения слюну, и тут его пакет порвался, по полу покатались яркие оранжево-красные апельсины. Рядом с ними удачно, не разбившись, приземлилась большая початая бутылка дорожущего коньяка.

– Извините, – засуетился проситель. – Апельсинкой не угоститесь?

– Что мне, здоровому мужику, твоя апельсинка? Я сало люблю, с мясом.

– А может, по пятьдесят? А то одному, того... Заодно и просьбу изложу... – Сиверов действовал, что называется, по обстоятельствам. По бледному, плохо побритому лицу сразу определил, что Рыжий любит выпить, по мятым штанам и дешевым ботинкам из кожзама, что дорогим спиртным не балуется. Такой не устоит перед соблазном и пьянствовать будет жадно, «про запас», чтобы при случае козырнуть перед дружками, как он эту хваленую «Метаксу» стаканами глушил.

Глеб не ошибся. Рыжий молча вынул из выдвижного ящика стандартную гостиничную табличку «Не беспокоить», где простым карандашом было приписано «Технический перерыв». Табличка отправилась на наружную ручку двери, замок защелкнулся, с подоконника на стол перекочевали на удивление чистые стаканы.

Уже через пять минут бутылка опустела почти на половину, а в аппаратной благородно запахло апельсинами и дорогим коньяком. А еще через две минуты Толян совершенно осовел. Крепкий алкоголь на голодный желудок, без закуси, да еще сдобренный снотворным, сделал свое дело – техник уснул. Сиверов протер длинным рукавом байки и бутылку, и свой стакан, из которого даже не пригубил. За время короткой пьянки он успел осмотреться. Коммутационный шкаф был открыт. Один щелчок пластмассовой рукоятки – и в аппаратной наступила мертвая тишина, остановились все вентиляторы. Одновременно оборвались на полуслове телефонные разговоры, «вывалились» из всемирной паутины компьютеры в «Астории-один». Сиверов опустил за пазуху фирменную гостиничную кепку Семеныча, вскочил на стол, распахнул окно и боком выбрался в узкое углубление ниже уровня газона. Плотно прикрыв створки, осторожно приподнял голову, встретился глазами с сидящей на бордюре кошкой. Очаровательное полосатое создание без любопытства взирало вниз, мешая

Глебу осматривать окрестности. Пришлось замахнуться, словно собирался ударить. Животные лучше других понимают именно этот жест – кошки в секунду не стало. На счастье, больше вокруг никого не было, и Глеб, подтянувшись на руках, легко выпрыгнул на асфальт и быстро вернулся в здание.

Заняв позицию между третьим и четвертым этажами, Слепой наблюдал. Вскоре одна за другой стали открываться двери люксов, зазвонили мобильники, слышалась чеченская и русская речь. А вот из четыреста пятого вышли двое, один из которых, моложавый шатен, очень чисто, с московским акцентом объяснял по-русски седобородому мужчине из четыреста седьмого, что проблема не велика. Если неполадку быстро не устранят, он попытается выйти в сеть через свой мобильный телефон. На этой фразе двое крепких парней втянули его за плечи внутрь, седобородый зашел следом.

Как все просто. Не помогли ни поддельные паспорта, ни крашенные волосы. Сейчас выполнить задание было невозможно – засветишься, придется ранить посторонних, насчет которых было ясное распоряжение – не трогать. В течение часа Глеб уберет этого парня, и домой. А теперь на крышу – перерезать связку кабелей, выведенных к вышке сотовой связи, ее он приметил, когда въезжал на территорию «Астории-один». Спокойно, почти лениво, Сиверов дошел до своего номера, убедился, что электронный замок надежно за ним захлопнулся, и вышел на балкон. Вряд ли его сейчас заметят – весь персонал внизу, у двери аппаратной – читают табличку с просьбой не беспокоить. Даже если дверь к Рыжему отпрут или вышибут, быстро разбудить его будет затруднительно. Возможно, что кто-нибудь, кроме Анатолия Семеновича, знает, как исправить поломку. Поэтому надо спешить. Время – оно сейчас главный участник операции.

Глава 10

Роковое виртуальное знакомство могло бы никогда не перерасти в реальное, если бы не умер Рашид-ага. Однажды весенним вечером старик вцепился в рукав Гасана и, прижимая к горлу свободную ладонь, словно бы залаял. Это не было простудой, коклюшем, астмой. Так кашляют сердечники, хватаясь за шею руками, синея, покрываясь потом. Мамед, не знакомый с симптомами инфаркта, ударил беднягу кулаком промеж лопаток и дружески засмеялся. На самом деле он его просто добил. Старый доктор осел на коврик, не успев обуться,

всхрапнул, как разозлившийся жеребец, и испустил дух, выдохнув тяжело, шумно и смрадно. Приложив ухо к его груди, проверив пульс на сонной артерии, Гасан понял, что потерял коллегу. Но еще пятнадцать минут он пытался вернуть ушедшую жизнь: делал искусственное дыхание, массаж сердца. Было слышно, как внутри остывающего тела еще бродят потоки жидкостей, пузыри газов. При слишком сильных толчках и сдавливаниях и то, и другое выходило наружу, убеждая реаниматора в том, что его усилия тщетны. Растерянный Мамед, присев на корточки, раскачивался из стороны в сторону и тихонько выл. Он любил и уважал доктора, кроме того, кажется, догадался, чем обернулся его нелепый товарищеский жест. Вспотев и обессилив, Гасан поднял глаза к небу и просто сказал: «Мир праху его».

- Алиф, лам, мим, - добавил Захар.

Солнце давно зашло, поэтому впереди были целые сутки, чтобы предать тело земле. Гасан, всегда принимавший участие в погребении тех, кого не сумел вылечить, на этот раз не стал этого делать. Он просто поднялся и ушел. Дома, в их общей палатке, выпотрошил сумку Рашида, забрал перехваченный медицинскими резинками полиэтиленовый сверток, спрятал на самое дно своего рюкзака. Скорее всего, там фотокарточки, письма. Может быть - бесполезный ордер на квартиру в Грозном или пенсионное удостоверение. Паспорта хранились в командирской палатке, в сейфе. Кроме этого свертка в сумке были чистые рубахи, много аккуратно заштопанных носков и кальсоны, линяло голубые, байковые, старинные, вручную зашитые по шаговому шву, с круглой заплаткой на колене. Ничего из этого старый доктор в лагере не надевал - носил, как все, выданный под расписку «камуфляж», оборачивал ноги портянками. Гасан всегда знал, что старый врач хранит в сумке что-то особенное, очень дорогое, к чему прикасались руки погибшей в Кировском спутницы. Оказывается - заплатанное ее руками исподнее... Ничего лучшего война сохранить не позволила.

Захотелось выпить. Можно было развести спирт, но его оставалось слишком немного, чтобы тратить так бездарно. Не спалось, не курилось, не плакалось. Было страшно - не за себя, за тех мальчишек и мужчин, которых могут привезти в лагерь завтра или послезавтра. Одному не справиться - не хватит его одного на всех. Да и совет нужен, просто возможность обсудить ход лечения... Нужен кто-то в помощь!

Пусть Мамед ищет, заказывает, выкапывает из-под земли. В лагере должен быть настоящий врач, хирург, а не переквалифицировавшийся из лабораторных ученых физиолог.

С этими мыслями он направился к штабу, где тоже не спали. Тело лежало на земле, завернутое в кусок брезента, по которому снизу уже поползли зловонные разводы. Горел костер, но насекомые кружили не столько у огня, сколько над трупом. Совсем близко, в расщелине или в «зеленке», громко и страшно выли лагерные псы. Сколько – двое, трое, пятеро?

– А ведь он любил собак, и они его, – заметил Захар. Он сидел совсем близко к покойному, стараясь не замечать тяжелого запаха. Ильяс, как обычно, расположился неподалеку. Даже в такой момент оба не выпускали из рук оружия, словно ждали команды.

– Воистину, Аллах наш покровитель и лучший защитник, он властен над всем сущим, – Гасан начал разговор издали, зная, что начальству это понравится.

– Все так, мы принадлежим Аллаху, к Нему и вернемся, – Мамед не мог не понять, что все это – только завязка серьезного разговора.

– Без врача в лагере нельзя. Я и шил и резал, но часто ошибался. Нужен настоящий специалист, клиницист с опытом работы.

– И что ты предлагаешь, объявление в газету дать?

– Мы ведь не одни, пусть руководство поможет. Отправь запрос, Мамед. А пока – пусть пришлют анестетиков, обезболивающих побольше, бинтов, салфеток. И капельниц. Кровь нужна – почти не осталось в холодильнике, катетеры и для внутривенного, и в мочевого пузыря.

– Не бойся, лекарь, ваша со стариком предыдущая заявка принята, завтра-послезавтра все будет, привезут по земле. С ними и сегодняшнюю просьбу передадим. Не паникуй, бери ноутбук, отвлекись, к виртуальным девочкам сходи или кино посмотри. Но сначала новости разузнай, что за последние сутки на планете изменилось. Держи, иди к себе, подключайся и расслабляйся...

Гасан принял из рук Мамеда Тагирова дорогую игрушку, к которой уже несколько дней не притрагивался – не до того было. Пожалуй, Интернет, действительно, лучшее, чем он сейчас сможет себя занять. Новости получал, как обычно, по излюбленным начальством официальным адресам. Текст скопировал в специальную папку, даты и фамилии выделил синим и желтым. Теперь можно связаться с Белой.

В этот раз оба откровенничали – один признался, что час назад потерял друга и коллегу, работать без которого будет невыносимо тяжело. Жизни, хрупкие, мало стоящие жизни солдат, обесценятся совсем, потому что он, Гасан, не имеет ни хороших лекарств, ни надежных коллег.

Бела, всегда пропускающий личное «мимо ушей», на этот раз отреагировал неожиданно. Он ответил «по существу»: хорошие лекарства и время всегда находятся слишком поздно, когда они уже не могут помочь. Его брату, единственному по-настоящему любимому человеку, в нужный момент не досталось ни того, ни другого. Малыш ждал и надеялся, что старший изобретет эликсир молодости, что-нибудь волшебное, магическое, умеющее поворачивать время вспять. Иштван был маленьким и дряхлым одновременно, он страдал от боли и ужаса, понимал, что движется к концу существования быстрее всех старших, которых когда-либо знал. И Бела не успел. Брат умер в девять лет, от старости. А эликсир остался ненайденным. И, в продолжение разговора, венгр завел речь о предсказанном гениальным советским биологом Оловниковым явлении, которое сейчас называют концевой недорепликацией хромосом. О том, что в процессе образования похожей на сосиску хромосомы, укороченные концы ДНК оказываются расположенными на ее краях – теломерах. Сегодня, не без участия Белы, доказано, что укорачивание теломер как раз и является теми молекулярными часами, которые отсчитывают число клеточных делений. За десять лет кропотливых исследований венгр успел выяснить, что на концах нитей ДНК не закодированы важные для клетки белки. Теломеры состоят из одинаковых, уныло повторяющихся последовательностей нуклеотидов, длина которых указывает на количество делений, которые еще может осуществить клетка. Как только теломеры в результате пройденных циклов копирования хромосом достигают некоей критической длины, клетка перестает делиться – наступает репликативное старение. Клетки детей, страдающих прогерией, имеют укороченные теломеры. Почему – ответа он не нашел. Никто пока не нашел. Мутация не наследственна – Каролина и Шандор, родители других больных детей были в полном порядке. Слишком мало времени отпустила природа Иштвану и ему подобным, чтобы изучить их страдание. Потеряв брата, Бела Меснер переключился в своей исследовательской деятельности на

созвучную, но более доступную тему. От изучения синдрома Хатчинсона – Гилфорда к прионным болезням человека: болезни Крейтцфельда – Якоба и синдрому Герстмана-Штраусслера – Шейнкера.

О последнем направлении работы Меснера Гасан знал, но о первопричине – гибели малыша от неизвестной науке генной мутации – слышал впервые.

Всю ночь, до восхода раннего солнца и утреннего намаза Гасан общался с Белой. Буквы на мониторе воспринимались каждым из них как участливый заинтересованный голос, звучащий по-венгерски или по-чеченски. В эту весеннюю ночь Меснер окончательно убедился, что его виртуальный собеседник – участник настоящих военных действий, а Гасан – что венгр стоит на пороге изобретения уникального препарата, который в богатых и сильных руках может превратиться в биологическое оружие нового поколения. Захар, заглянувший в медицинскую палатку, застал товарища, лихорадочно выстукивающего последние фразы научной полемики. О том, что Джагаев сносно понимает английский, Гасан не знал, как не знал и о том, что Захар тренировался в Сирии, в специальном исламском лагере, где готовят военных инструкторов. Зато тот, пробежав глазами по строкам, сделал верные выводы о том, что доктор Сабитов действует в правильном направлении.

Глава 11

Высокие технологии – это и хорошо, и плохо. Одним поворотом рубильника Глеб Сиверов вывел из строя телефонную сеть в здании пансионата и хозяйственных постройках. Пострадали от этой «шалости» только интернет-пользователи и обслуживающий персонал, решающий рабочие проблемы посредством обычных телефонов. Следующая акция оказалась более болезненной для всех без исключения – вслед за стандартной связью исчезла сотовая. Секретный агент по кличке Слепой, во имя соблюдения политических интересов чужой родины и правил по взаимозачетам своей, нарушил жизненные интересы сотен простых людей, на несколько часов лишив их возможности общения. Почему-то именно в такие моменты возникает самая острая необходимость справиться о чьем-то здоровье, вызвать врача, дать указание о переводе денег.

Раньше Сиверов почему-то не задумывался об этом, но сейчас госпожа совесть больно грызла его где-то внутри. Маленьким утешением служило то, что он, так же, как и все, лишился возможности связаться с кем бы то ни было.

Через несколько минут «специалисты по гештальт-продажам» сопоставят факты и поймут, что обе аварии не случайны. И тогда, схватив драгоценного венгра в охапку, они бросятся вон из «Астории» или усилят и без того немалую охрану. Но пока господа брюнеты трясут около ушей телефонными трубками, переходят из номера в номер, обсуждая план действий. Вот яркий красавец из триста девятого помчался вниз по лестнице, хочет предупредить тех, кто под видом братьев Рустемовых наращивает в тренажерном зале мышечную массу.

Сейчас, лучшего момента не будет! Но Потапчук говорил, что никто не должен серьезно пострадать. Несерьезно – это ранение, совместимое с жизнью. Кроме обреченной жертвы в номере еще как минимум трое, заслуживающих, возможно, серьезной кары. Но их надо оставить в живых, а этого, чем-то прогневавшего нынешний венгерский режим, уничтожить. Работа есть работа.

И снова перевоплощение, – кепка Рыжего, очки с чуть затемненными стеклами. Нож и один пистолет в рукаве, другой за поясом. Байка опять мутных серо-коричневых тонов, внутрь яркими швами. Зубную щетку, джинсы, игривую рубашку с платочком, пиджак и сладкий одеколон придется подарить отелю. Свою сумку Сиверов даже не вынимал из багажника. Ключи от машины в глубоком кармане спортивных брюк, там же мобильник, флэш-память и пластиковый ключ...

Опять коридор третьего этажа, лестница, коридор четвертого. Он двигался спокойно, уверенно, но достаточно быстро. Через минуту в двери четыреста пятого громко постучал мужчина в синей фирменной бейсболке. Не дожидаясь ответа, отпер сам, воспользовавшись универсальной карточкой-отмычкой. Навстречу ему в зеркальный предбанник выпрыгнули двое настороженных, плохо выбритых парня. Руки каждого из них выразительно прятались за лацканы расстегнутых пиджаков.

– В чем дело? – они заслоняли широкими спинами дверной проем.

– Телефон пришел чинить, авария у нас.

– Это кстати, нам связь нужна, – мужчины миролюбиво отступили.

Глеб вошел в нарядную гостиную, отметив про себя, что носить гражданское встретившие его охранники не умеют. Не отвыкли, а именно не умеют, оно сидит на них нелепо и явно стесняет.

Белы в гостиной не было. Возможно, он в спальне или в ванной. Сиверов сосредоточился на кабеле, ведущем от базы радиотелефона, двинулся вдоль него, надеясь беспрепятственно войти в смежную комнату. В этот момент дверь с треском распахнулась и ворвались братья Вахитовы.

– Где, черт побери, этот венгр? Мы уезжаем! – они метались по номеру и не сразу заметили постороннего. Было ясно, что окружающие не понимают по-английски. Реплики Вахитовых остались без ответа. В потоке английской брани Глеб разобрал имена Гасан и Захар – видимо, так звали переводчиков. Из ванной выглянул седой мужчина с умными, выразительными глазами. Одна его щека была в белой пене, в руке – станок безопасной бритвы. Услышав крики на английском, он начал быстро переводить. С балкона в ту же спальню шагнул Бела с непотушенной сигаретой. Он пытался что-то выяснить у главных покупателей.

– В чем дело? Кто это? – он первый заметил постороннего.

Мачо Рустему и мачо Тимуру понадобилось не более пяти секунд, чтобы нагнуться и выхватить закрепленные на щиколотках пистолеты. Но Глебу этого времени хватило, чтобы ранить обоих, вытолкнуть Меснера обратно на балкон и запереться там изнутри. Задание Потапчука выполнено. У жертвы действительно плохо пахло из рта, последний выдох Белы Меснера не оставил сомнений в том, что агент по кличке Слепой не ошибся. Боковым зрением Сиверов заметил на маленьком балконном диванчике работающий ноутбук с торчащим из него USB-накопителем. Рывком он вынул чужую флэшку и бросил в карман. Уже хватаясь рукой за холодный металл пожарной лестницы, Слепой услышал треск разбитого стекла и американские ругательства вперемешку с русским матом.

Машина, предусмотрительно припаркованная не на стоянке, а рядом с ней, словно ждала, когда повернется ключ в замке зажигания. Она мчала Сиверова от Левково обратно к Красноармейскому шоссе, оттуда на Ярославское и,

наконец, домой. Пиликнул мобильник – сотовая связь восстановилась, как только он въехал в очередную зону покрытия. На ходу прочел сообщение от Потапчука и ответил условленным посланием – картинкой, изображающей обнаженную девушку. На его смарт-фоне ответ «да» символизировала раздетая дамочка, ответ «нет» – соответственно, красotka в вечерних туалетах. Очевидно, люди генерала ждали где-то совсем близко, потому что уже через минуты три навстречу промчалось несколько узнаваемых спецавтомобилей. Ясно, что посредники и покупатели интересовали Российские спецслужбы живыми.

«Немного подпортил охоту, – беззлобно подумал Глеб о раненых в руку и плечо американских бандитах. – Эти двое – настоящие профессионалы, к тому же не имеющие за душой ничего похожего ни на кровную месть, ни на исламские идеалы. Так сказать – головорезы в чистом виде, не читавшие в детстве ни Корнея Чуковского, ни Агнию Барто, ни Библию, ни Коран. Будь они в целостности и сохранности – взять их было бы трудно. Даже травмированные, Псевдо-Вахитовы представляют огромную опасность и, возможно, успели уничтожить кого-то из чеченских посредников».

Все это уже его не касалось. Девушка-администратор, сама того не ведая, принявшая участие в операции «Взаимозачет», так и не дождалась звонка от щедрого постояльца и не узнала, куда подавать ему еду. За час с небольшим Слепой выполнил просьбу Федора Филипповича.

Приказывая себе не думать больше об «Астории-один» и встретившихся там людях, Сиверов все-таки не сразу избавился от мысли о Рыжем Анатолии Семеновиче, притравленном коньяком со снотворным, и об умненьком Димке, выручающем бабушку – любительницу дискотек. Как он там, этот современный ребенок, легко поворачивающий в уме проекции и умеющий делать интернет-покупки? Не попал под шальную пулю, не скатился со ступенек во время чужой ожесточенной драки?

Как ни странно, Глебу не попала на глаза коротенькая заметка, появившаяся завтра в районной газетке-сплетнице. Некто сердобольный писал о том, что из-за хулиганских выходок одного из постояльцев и преступной халатности телефонного техника оказалась под угрозой жизнь ребенка. У восьмилетнего гостя пансионата Дмитрия З. случился тяжелый приступ астмы. Вызвать «скорую» было невозможно. И лишь благодаря усилиям проживающего на соседнем этаже доктора С. Г. ребенку была оказана первая помощь, после чего он был срочно доставлен в Левковскую амбулаторию. Туда же прибыла бригада

медиков, и мальчика доставили в столичную больницу. Сегодня жизни москвича Дмитрия З. ничего не угрожает. Его бабушка, гражданка иностранного государства, выражает российским медикам огромную признательность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/voronin_andrey/slepoj-global-nyy-proekt

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)